Подлинная Барензия, т. 1

Подлинная Барензия

Том 1

Неизвестный автор

Пять веков назад, в Морнхолде, Городе Каменьев, жили слепая вдова с единственным сыном, высоким и стройным юношей. Был он рудокопом, как и его отец, простым работником на шахтах лорда Морнхолда, ибо его способности в магии были невелики. Труд был почетным, но оплачивался скудно. Его мать пекла и продавала на городском рынке пирожки с комуникой, чтобы хоть как-то свести концы с концами. Сама она говорила, что живут они неплохо, ибо им есть, чем насытить желудок, больше одного платья сразу никто надевает, а крыша протекает, только когда идет дождь. Но Симмаху хотелось большего. Он надеялся на то, что когда-нибудь обнаружит жилу под киркой и сразу пойдет вверх. В свободное же время он потягивал эль в таверне с приятелями да играл с ними в карты. А еще он был падок на эльфийских красоток, хотя ни одна из них не занимала его надолго. Он был типичным темным эльфом приятной наружности, замечательным лишь своим ростом. Поговаривали, что в нем была капелька крови нордов.

Когда Симмаху шел тридцатый год, в Морнхолде случилось великое ликование - у лорда и леди родилась девочка. Королева, пели люди, небо подарило нам королеву! Для народа Морнхолда рождение наследницы - верный знак будущего мира и процветания.

Когда пришло время обряда имяположения августейшего младенца, рудники закрыли, и Симмах отправился домой, чтобы помыться и переодеться во все лучшее. "Я сразу прибегу домой и все тебе расскажу", - пообещал он матери, которая не могла присутствовать на церемонии. Она болела, а, кроме того, ожидалась великая давка, ибо жители всего Морнхолда желали приобщиться к благословенному событию; к тому же, будучи слепой, она бы все равно ничего не увидела.

"Сынок, - сказала она. - Прежде, чем уйдешь, пригласи ко мне жреца или целителя, ибо я могу покинуть сию юдоль прежде, чем ты вернешься".

Симмах склонился над ее одром и с тревогой заметил, что лоб ее пышет жаром, а дыхание учащенное. Он немедленно вскрыл половицу, под которой хранились все их сбережения. Однако их и близко не хватало, чтобы заплатить жрецу за лечение. Он решил дать, сколько есть, а остальное потом, как долг. Симмах схватил свой плащ и поспешил.

На улицах было полно народу, торопящегося в священную рощу, но двери всех храмов были закрыты и заперты. "Закрыто на время церемонии", - сообщали все вывески.

Симмах локтями пробил себе путь через толпу и смог нагнать какого-то жреца в коричневой рясе. "После обряда, брат, - ответил жрец, - Если у тебя достаточно золота, я бы с радостью навестил твою мать. Милорд просил присутствовать всех священнослужителей, и я, принадлежа к их числу, не хотел бы его оскорбить".

"Моя мать тяжело больна, - умолял Симмах. - Милорд не заметит отсутствия одного жреца".

"Это так, да архиканоник заметит", - раздраженно сказал жрец, освобождая свою рясу от отчаянной хватки Симмаха и исчезая в толпе.

Симмах попробовал уговорить других священников, и даже магов, но с тем же результатом. По улице прошли вооруженные стражники и оттеснили его своими пиками. Симмах понял, что приближается августейшая процессия.

Когда карета правителей города поравнялась с ним, Симмах бросился к ней из толпы и прокричал: "Милорд, милорд! Моя мать умирает!"

"Я запрещаю ей делать это сей славной ночью!" - громко заявил лорд, смеясь и бросая в толпу монеты. Симмах был достаточно близко, чтобы учуять винный запах в августейшем дыхании. А его жена прижала младенца к груди и устремила на Симмаха негодующий взгляд: ее ноздри раздувались от

презрения.

"Стража! - закричала она. - Уберите этого болвана". Грубые руки схватили Симмаха. Его избили и бросили без сознания на обочине.

Когда Симмах очнулся и встал, с раскалывающейся головой, толпа увлекла его, и он видел Обряд Имяположения с вершины холма. Он видел церковников в коричневых рясах и магов в синих мантиях, собравшихся подле высокорожденных господ, далеко внизу.

Барензия.

Это имя смутно донеслось до слуха Симмаха, когда верховный жрец поднял спеленатую малышку и предъявил ее обеим лунам по разные стороны небосклона: Джоун восходила, Джоуд же садилась.

"Узрите леди Барензию, рожденную в землях Морнхолда. Ниспошлите на нее ваше благословение и совет, всеблагие боги, чтобы правила она во благо Морнхолда, и поместно, и окрестно, и присно".

"Благослови ее, благослови ее", - все люди подхватили призыв их господина и госпожи, воздевши руки к небу.

И лишь Симмах стоял молча, опустив голову, ибо почувствовал сердцем, что его любимая мать скончалась. И молча, он поклялся страшной клятвой: что станет проклятием лорда и отмщением за бессмысленную смерть своей матери, а его дитя, Барензию, возьмет в жены, и внуки его матери будут править Морнхолдом.

По окончании церемонии он взирал равнодушно, как королевская процессия возвращалась во дворец. И тут он увидел жреца, которого уговаривал первым. Этот человек весьма охотно согласился пойти с Симмахом за наличное золото и обещание большего впоследствии.

Они нашли мать Симмаха уже мертвой.

Жрец вздохнул и спрятал монеты в суму. "Мне жаль, брат. Не беспокойся,

ты можешь забыть о том, что остался должен. Это все, что я могу сделать для тебя. Похоже..."

"Верни мне мои деньги! - прорычал Симмах. - Ты не сделал ничего, чтобы их заслужить!" И он угрожающе занес правую руку.

Жрец попятился, готовый произнести проклятье, но Симмах ударил его по лицу, едва с губ жреца слетели первые слова. Тот с силой отлетел назад, ударившись головой об один из камней, выступавших из кладки очага. Он умер мгновенно.

Симмах подобрал золото и бежал из города. И на бегу он бормотал лишь одно слово, снова и снова, подобно заклинанию: "Барензия. Барензия. Барензия".

Барензия стояла на одном из балконов дворца и глядела вниз, на плац, по которому маршировали солдаты, сверкая на солнце доспехами. Сейчас они построились в шеренги и приветствовали ее родителей, лорда и леди, вышедших из дворца с ног до головы в эбонитовых доспехах и в длинных пурпурных меховых мантиях на плечах. За ними вели в поводу лоснящихся черных коней под роскошными попонами. Родители поднялись в седла и направились к воротам, обернувшись, чтобы попрощаться с ней.

"Барензия! - кричали они. - Барензия, любимая, прощай!"

Девочка сморгнула навернувшиеся слезы и помахала им одной рукой, сжимавшей ее любимого плюшевого зверя, серого волчонка, которого назвала Вуффеном, а другую руку прижала к груди. До этого она ни разу не расставалась с родителями и даже не знала, зачем они уезжают. Она знала лишь, что где-то на западе идет война, и у всех на устах было имя Тайбера Септима, произносимое с ненавистью и страхом.

"Барензия!" - прокричали солдаты, вздымая свои пики, мечи и луки. А затем ее дорогие родители развернулись и поехали прочь, а вслед за ними - и все рыцари, пока двор совершенно не опустел.

А через некоторое время после этого была ночь, когда Барензию разбудила ее няня, поспешно одела и вынесла из дворца.

Все, что она сохранила в памяти из тех ужасных времен - это огромная тень с горящими глазами в небе. Барензия переходила из рук в руки. Появлялись какие-то чужеземные воины, потом исчезали, иногда появлялись вновь. Ее няня пропала, и ее заменили какие-то чужаки, один чуднее другого. Она находилась в пути несколько дней, а может, и недель.

Однажды утром она проснулась и, выглянув из кареты, увидела вокруг холодную местность, а среди бесконечных серо-зеленых холмов, кое-где припорошенных грязно-белым снегом, высился большой замок серого камня. Она прижала к груди Вуффена обеими руками и стояла так, моргая со сна и подрагивая от промозглого рассветного холода, ощущая себя слишком маленькой и слишком темнокожей в этих бескрайних серо-белых просторах.

Они с Ханой, смуглой черноволосой девушкой, сопровождавшей ее несколько последних дней, вошли в замок. В одной из комнат у камина стояла крупная серо-белая женщина с серо-золотистыми, как лед на тусклом солнце, волосами. Она взглянула на Барензию страшными, ярко-голубыми глазами.

"Она очень... черная, верно? - женщина обратилась к Хане. - Я никогда прежде не видела темных эльфов".

"Я сама не много про них знаю, госпожа, - сказала Хана. - Но ее рыжие волосы вполне подходят к ее нраву, скажу я вам. Будьте осторожны. Она кусается. И не только".

"Ну, от этого я быстро ее отучу, - усмехнулась женщина. - А что это у нее за гадость? Фи!" Женщина выхватила Вуффена и бросила его в пылающий камин.

Барензия пронзительно закричала и едва не бросилась в огонь следом, но ее удержали, несмотря на все попытки укусить и поцарапать обидчиков. Бедный Вуффен превратился в крохотную кучку золы.

Барензия росла, как южное растение, пересаженное в скайримский сад, под опекой графа Свена и его жены леди Инги. Со стороны казалось, что она счастлива и беззаботна, но внутри она постоянно ощущала холод и пустоту.

"Я взрастила ее как родную дочь, - вздыхала порой леди Инга, сплетничая с

навещавшими ее соседками. - Но она же из темных эльфов. Чего еще от них ждать?"

Эти слова не предназначались Барензии. Во всяком случае, она так считала. Слух у нее был гораздо острее, чем у ее хозяев-нордов. К другим, еще менее приятным темноэльфийским особенностям, безусловно, относились воровство, лживость и немного неуместное волшебство: огненное заклинание тут, левитационное заклинание там. А когда она повзрослела, к ним прибавился еще и острый интерес к мальчикам и мужчинам, которые приносили весьма приятные ощущения и, к ее удивлению, еще и подарки. Инга не одобряла сего последнего увлечения по совершенно необъяснимым для Барензии причинам, поэтому той приходилось быть осторожной и, насколько возможно, держать все в секрете.

"А вот за детьми она смотрит чудесно, - добавила Инга, имея в виду пятерых своих сыновей, все моложе Барензии. - Не думаю, что она даст им покалечиться". Когда Йонни было шесть, а Барензии восемь, для них взяли учителя, и дети занимались вместе. Ей хотелось участвовать и в уроках фехтования, но графа Свена и леди Ингу привела в ужас сама подобная идея. Все, что ей позволили - стрелять с мальчиками по мишеням из маленького, почти игрушечного лука. В остальном же ей оставалось наблюдать за ними, когда они упражнялись с клинками, и лишь иногда, когда рядом не было никого из взрослых, участвовать в боях. И она знала, что, по крайней мере, не хуже них в этом искусстве.

"Однако она очень... горда, разве нет?" - какая-нибудь кумушка шептала Инге на ухо, а Барензия, делая вид, что не слышала, утвердительно кивала в душе. Она чувствовала свое превосходство над графом и его женой, и ничего не могла с собой поделать. Было в них что-то такое, что вызывало у нее пренебрежение.

Потом уже она познала, что Свен и Инга были дальними родственниками последнего титулованного хозяина замка Даркмур, и все поняла. Они были позерами, самозванцами, а никакими не правителями. Во всяком случае, их не воспитывали править. Эта мысль странным образом возмутила ее, а из негодования выковалась чистая неприязнь к хозяевам. Она стала воспринимать их как омерзительных, гадких насекомых, которых можно презирать, но нельзя бояться.

Раз в месяц прибывал гонец от императора, привозил маленькую мошну золота для Свена и Инги и большой мешок сушеных грибов из Морровинда для Барензии, ее любимое лакомство. Для этих случаев ее всегда заставляли выглядеть презентабельно - ну, насколько презентабельно могла выглядеть тощая темная эльфийка в глазах Инги - перед тем, как представить курьеру для краткой беседы. Гонцы почти всегда были разные, но все они смотрели на нее так, как фермер осматривает чушку, откармливаемую на базар.

Весной своего шестнадцатого года Барензия выглядела так, словно, наконец, была готова для базара.
По размышлении, она решила, что проданной быть не желает. Помощник конюха, Строу, здоровый, мускулистый белобрысый парень, и при этом застенчивый, мягкий, любящий и довольно простой, уже несколько недель уговаривал ее бежать отсюда. Барензия украла мошну с золотом, оставленную гонцом, прихватила грибов из кладовой, нарядилась мальчиком в одну из старых туник Йонни и в его же, ставшие тесными, штаны... и в одну погожую весеннюю ночь они со Строу взяли двух лучших лошадей из конюшни и поскакали во весь опор на Вайтран, ближайший мало-мальски крупный город и место, где хотел побывать Строу. Однако и Морнхолд, и Морровинд тоже лежали к востоку, а они манили Барензию, как магнитом.

Утром они отпустили лошадей по настоянию Барензии. Она знала, что их хватятся и бросятся в погоню, и надеялась, таким образом, сбить преследователей с толку.

Они шли пешком до раннего вечера, держась проселочных дорог, а потом поспали несколько часов в заброшенной хижине. Они снова тронулись в путь на закате и пришли к воротам Вайтрана как раз к рассвету. Барензия заготовила для Строу что-то вроде пропуска, поддельное письмо, уверяющее, что его податель должен доставить посылку в городской храм от местного деревенского старосты. Сама она преодолела стену при помощи заклинания левитации. Она решила - и правильно, как оказалось - что стражи у ворот будут высматривать молодую темноэльфийскую девушку и парня-норда, путешествующих вместе. А одиночные деревенские простачки, вроде Строу, были привычным зрелищем, не вызывавшим подозрений. Один и при бумагах он едва ли мог привлечь к себе внимание.

Ее нехитрый план возымел действие. Они встретились со Строу в храме, находящимся неподалеку от ворот; она и прежде бывала в Вайтране пару раз. Строу же ни разу в жизни не отдалялся от поместья Свена, места своего рождения, больше, чем на несколько миль.

Вместе они направились к обветшалому трактиру в самом бедном квартале Вайтрана. Барензия, закутанная в плащ, в перчатках и с надвинутым по утреннему холодку капюшоном, сумела скрыть свою темную кожу и красные глаза, и никто по пути не оглянулся им вслед. В трактир они зашли порознь. Строу заказал у трактирщика одноместную каморку, обильный ужин и два кувшина эля. Барензия прокралась к нему несколько минут спустя.

Они весело пировали, празднуя свой побег, а затем с неистовством делили узкую койку. После всего, они провалились в глубокий сон без видений.

Они задержались в Вайтране на неделю. Строу заработал немного денег, разнося посылки, а Барензия обчистила ночами несколько домов. Она продолжала носить мальчишеские одежды. Она коротко постриглась и перекрасила свои огненно-рыжие волосы в иссиня-черный, еще больше усилив маскировку, и при этом все время была настороже. В Вайтране было не много темных эльфов.

Однажды Строу удалось найти для них временную работу: охранять купеческий караван, идущий на восток. Однорукий сержант поглядел на парочку с большим сомнением.

"Хе! - усмехнулся он. - Темный эльф! Это ж все равно, что поставить волка стеречь овцу! Однако мне нужны люди, мимо Морровинда мы не пойдем, так что своим корешам ты нас не сдашь. А наши доморощенные бандиты с радостью перережут глотку и мне, и тебе!"

Сержант повернулся к Строу и оценивающе оглядел его. И тут он неожиданно сделал резкий выпад в сторону Барензии, выхватив свой короткий меч. Кинжал в мгновение ока оказался у нее в руке, и она встала в защитную позицию. Строу прыгнул ему за спину, изготовив нож. Сержант опустил клинок и снова усмехнулся.

"Неплохо, ребята, неплохо. А как ты со своим луком управляешься, темный

эльф?" Барензия незамедлительно продемонстрировала свое мастерство. "Неплохо! Ты, парень, будешь в дозоре в темное время суток и на стреме в остальное. Верный темный эльф - это боец, какого поискать, всяк скажет. Я то уж знаю. Я самому Симмаху служил, пока мне руку не отчекрыжили и не списали из армии".

"Мы могли бы его кинуть. Я знаю ребят, которые хорошо заплатят, - сказал Строу позже, когда они устроились на последнюю ночь в своей обветшалой каморке. - Или самим грабануть. Они очень богатые, эти купцы, Барри".

Барензия засмеялась: "Ну и что мы будем делать с такой кучей денег? А, кроме того, нам необходима их защита на время пути, чтобы тихо уйти как можно дальше".

"Мы могли бы купить маленькую фермочку, ты и я, Барри, и осесть там, куда как мило".

"Мужик!" - презрительно подумала Барензия. Строу был крестьянином и лелеял в душе не более, чем крестьянские мечты. Но вслух она лишь сказала: "Не здесь, Строу, мы еще слишком близко от Даркмура. Надо идти на восток, там у нас будет еще много подобных шансов".

Караван шел не восточнее Сангарда. Император Тайбер Септим I сделал многое для обеспечения относительной безопасности на трактах. Но пошлины кусались, и этот караван двигался, насколько возможно, боковыми тропами, в обход застав и патрулей. Что и подвергало их опасности нападения грабителей - как людей, так и орков, а также бродячего сброда всех рас и мастей. Но таковы уж издержки прибыльной торговли.

До Сангарда у них случились две подобные встречи. Первый - засада, о которой тонкий слух Барензии дал знать много загодя, и разбойники, окруженные с тыла, сами были застигнуты врасплох. Второй - ночное нападение смешанной шайки каджитов, людей и лесных эльфов. Последние были искусными воинами, и даже Барензия не слышала, как они подкрались. В тот раз драка вышла жестокой. Нападавших отбили, но полегли двое стражей каравана, а Строу получил неприятный порез на бедре, прежде чем им с Барензией удалось перерезать глотку его противника, каджита.

Барензия была вполне довольна жизнью. Она приглянулась словоохотливому сержанту, и большую часть времени проводила, сидя у костра и слушая его рассказы о похождениях в Морровинде с Тайбером Септимом и генералом Симмахом. Симмаха произвели в генералы после того, как пал Морнхолд, поведал сержант. "И хороший же он солдат, этот Симмах! Да только в Морровинде у него еще какой-то интерес, хе, хе. Это не только война, ежели понимаешь, о чем я. Ну да ты, небось, малость больше меня о том знаешь".

"Нет. Я не помню, - сказала Барензия, изображая безразличие. - Я провела большую часть жизни в Скайриме. Моя мать вышла за человека из Скайрима. Но они оба умерли. Расскажи мне, пожалуйста, что сталось с лордом и леди Морнхолда?"

Сержант пожал плечами: "Не знаю. Померли, небось. Там огроменная драка была, до того, как перемирие подписали. А теперича все тихо. Мож, и слишком тихо. Как перед бурей. Слушай, хлопчик, так ты на родную землю вертаешься?"

"Может быть", - сказала Барензия. На самом же деле ее влекло в Морровинд и Морнхолд неодолимо, как мотылька на зарево горящего дома. Строу это чувствовал, и был недоволен. Впрочем, он был несчастен с тех пор, как им пришлось спать раздельно, поскольку Барензия почиталась в караване юношей. Барензии тоже не хватало этого, но, похоже, не так сильно, как Строу.

Сержант хотел нанять их и на обратный путь, но, когда они отказались, все равно выплатил премию и написал отличные рекомендательные письма.

Строу желал осесть в Сангарде навсегда, но Барензия настояла на продолжении путешествия на восток. "Я королева Морнхолда по праву, - сказала она, в душе не совсем уверенная в том, правда это, или все это причудилось потерянному, напуганному ребенку. - Я желаю попасть домой. Мне нужно попасть домой". А вот это была уже несомненная правда.

Через несколько недель им удалось пристроиться к другому каравану, идущему на восток. К началу зимы они были в Рифтене, почти у самой границы Морровинда. Но погода испортилась, и им сказали, что ни один купеческий караван не рискнет выйти до середины весны.

Барензия стояла на городской стене и вглядывалась вдаль, в гряду заснеженных гор, стражей Морровинда, высившуюся за глубоким ущельем, отделявшим от них Рифтен.

"Барри, - мягко сказал Строу. - До Морнхолда еще далеко, почти столько же, сколько мы уже прошли. И эти земли кишат волками, разбойниками, орками, да тварями похлеще. Нам нужно дождаться весны".

"Там башня Зильгрод", - сказала Барри, имея в виду поселение темных эльфов, выросшее вокруг древней сторожевой вышки на границе Скайрима и Морровинда.

"Стражи на мосту не пропустят меня, Барри. Это лучшие имперские воины. Их не подкупишь. Если ты пойдешь, то пойдешь одна. Я не стану пытаться остановить тебя. Но что ты будешь там делать? В башне Зильгрод полно имперских солдат. Станешь для них прачкой? Или гарнизонной девкой?"

"Нет", - ответила Барензия медленно и вдумчиво. В действительности подобная мысль не казалась ей совершенно непривлекательной. Она была уверена, что сможет заработать на жизнь, ублажая солдат. У нее было несколько подобных приключений на пути через Скайрим, когда она одевалась женщиной и потихоньку ускользала от спящего Строу. Она просто искала чуточку разнообразия. Строу был нежен, но скучен. И она была крайне, хотя и приятно, удивлена, когда мужчина, с которым она познакомилась, после предложил ей деньги. Строу же почему-то был очень недоволен: орал на нее, а потом дулся по нескольку дней, когда ему удавалось поймать ее за этими похождениями. Он оказался весьма ревнив. Он даже угрожал бросить ее. Но не сделал этого. Да и не мог.

Однако имперские стражи были грубы и жестоки по всем статьям, и Барензия наслушалась немало жутких историй за время их путешествий. Самые ужасные рассказывали бывшие ветераны легионов, не без мрачной гордости и со всеми подробностями. Как она понимала, они желали шокировать их со Строу, но при этом было очевидно, что какая-то доля правды в этих диких россказнях присутствует. Строу ненавидел эти грязные басни, особенно из-за того, что ей тоже приходилось их слышать. Но было в них нечто, что казалось ему привлекательным.

Барензия чувствовала это и подбивала Строу поискать других женщин. Но он

сказал, что не хочет никого, кроме нее. Она честно призналась, что не испытывает к нему подобных чувств, просто он нравится ей больше прочих. "Так зачем же ты путаешься с другими?" - спросил как-то Строу при случае.

"Не знаю".

Строу вздохнул: "Говорят, все темные эльфийки таковы".

Барензия улыбнулась и пожала плечами: "Не знаю. Или, нет... может, и знаю. Да, пожалуй, знаю, - она обернулась и нежно поцеловала его. - Наверно, в этом и есть объяснение всему".</p>

Подлинная Барензия, т. 1

FormId	skyrim.esm:01ACD6
Owning plugin	skyrim.esm
Local FormId	01ACD6
Editor ID	Book2CommonRealBarenziahV1
Inventory image	(none)
Menu art	HighPolyBookLarge01
Value (gold)	5
Type	Book or tome
Weight	1
Can be taken	Yes
Teaches	(none)
Inventory description	(none)
Keywords	VendorItemBook
Locations	1262
Leveled lists	12
Scripts	0

© Bethesda Softworks LLC and the authors of the mods in the load order.
Exported and generated with SkyrimSourceExporter.